

Жиль Дове, Карл Несич

**Пролетарий и работа
— история любви?**

Оглавление

До 1914	5
1917-21: Россия	8
1920: Италия	10
Никакого права на лень	11
Рабочее управление как утопия квалифицированной рабочей силы	12
Июнь 1936: Франция	14
1936: Испания	15
1945: Франция	16
1945: Италия	18
1968: Франция и остальной мир	19
1974: Португалия	20
Критика работы/критика капитала	21
Современность и капитализм	23
Противоречие возможно не там, где мы представляли	25
Революция не точная наука	27
Не требуйте от теории чего она не может дать	30
Взлет и падение классизма	31
Работа — мертвый фетиш	32
«Мы не из этого мира» (Бабеф, 1795)	34

«Любишь кататься — люби и саночки возить», «Уменье и труд все перетрут», «Делу — время, а потехе — час». . . Русская народная глупость и пресловутый «здравый смысл» веками утверждали рабочую этику в умах угнетенных. Воистину, господствующие идеи — это идеи господствующих.

Впрочем, и те, кто заявляют о себе, как о ниспровергателях существующих порядков, мало чем отличаются от правящих классов в своем отношении к работе. Самые умные, цитируя слова Маркса из «Немецкой Идеологии», провозглашают конец труда как всеобщую роботизацию производства. Таким образом, *после* революции первой задачей на повестке дня становится создание материальных предпосылок для перехода к коммунистическому строю. Рабочие как они есть недостаточно конкурентоспособны для рая. Ну, а пока рай не построен, нужно усердно работать на благо социалистического отечества.

Отрицание работы становится принципиальным элементом коммунистической теории только в наше время. Поколение Красного Мая было обречено на примитивную, абсурдную конвейерную трудовую жизнь, и потому не желало мириться со своей судьбой. Главными выразителями этих устремлений стали ситуационисты: *«Тейлоризм нанёс смертельный удар по ментальности, которую тщательно поддерживал архаичный капитализм. Бесплезно надеяться хотя бы на карикатуру созидательности от работы на конвейере. Любовь к хорошо выполненной работе и вкус к карьере сегодня являются лишь несмысленной печатью поражения и самой тупой покорности»* Р. Ванейгем «Революция повседневной жизни».

Авторы публикуемой статьи, французские теоретики либертарного коммунизма Жиль Дове и Карл Несич, продолжают исследование феномена принудительного труда там, где остановились ситуационисты. До сих пор, — пишут они, — господствовала рабочая идеология, стремившаяся установить власть трудового человека. Но означает ли это, что сами рабочие полностью разделяли эту идеологию? Нет, — утверждают авторы, — пролетарии никогда не хотели увековечить работу. Наоборот, на практике они всегда отрицали продуктивистский культ. В этом смысле, современная радикальная критика не изобретает ничего нового — она лишь объявляет во всеулышание о том, что было неотъемлемым аспектом действительного коммунистического движения во все времена.

Мы не прославляем технократическое царство всеобщего безделья. Ленистья — лишь темная сторона трудоголика. Способность человека самому создавать историю — это не проблема. Проблема на самом деле состоит в том, что до сих пор он создавал историю Рода, Бога, Монеты, но никогда — свою собственную.

СРС

Исторический провал.¹ Это, возможно, грубое, но никак не преувеличен-

¹ Это перевод с английского несколько измененного варианта оригинальной статьи на французском *Prolétaire et travail: une histoire d'amour*. Было добавлено несколько абзацев, посвященных

ное резюме всего коммунистического движения со времен первого издания «Коммунистического манифеста».

Несомненно, что одна из причин этого провала — полное отсутствие или недостаточность критики работы. Начиная с 60-х, постоянно-растущее сопротивление работе, порой открыто выливавшееся в бунт против навязанного и отчужденного труда, подтолкнуло лишь крайнее меньшинство революционеров пересмотреть свои взгляды на феномен работы. «Прошлые общественные движения, — говорят они, — провалились, потому что пролетарии хотели построить общество, где правил бы рабочий человек, т.е. пытались освободить себя через то, что их и порабощает: через работу. Наоборот, истинное освобождение должно основываться на отрицании работы — только так можно добиться низвержения буржуазного и бюрократического порядка. Только отрицание работы имеет глобальное значение, оно позволяет выйти за рамки количественных требований и ставит на повестку дня установление качественно другого миропорядка. Ситуационисты выразили эту позицию наиболее четко в своем призыве «Никогда не работай!»²

Позже, некоторые группы, в особенности в Италии, как формальные, так и неформальные, часто именуемые «автономами» попытались развить и систематизировать спонтанную деятельность, направленную на ликвидацию работы.³ Отрицание работы как таковой стало фундаментом ряда теорий, объ-

---

«Автономии», Полю Лафаргу, детерминизму, классицизму, фетишу работы и субъективности.

² В Internationale Situationiste №8-1963 была опубликована фотография надписи «Ne travaille jamais» на одной стене в Париже. В этом же номере «цель революционного проекта» определялась как «полное уничтожение работы (также как и пролетариата)».

³ На самом деле, термин «Автономия» ничего не проясняет, а только вносит путаницу, так как под ним зачастую понимается вся совокупность практик и теорий, которые в действительности имели мало общего между собой, иногда даже в рамках одной группы.

Значительная часть автономного движения посвятила себя низовой практике сопротивления работе. Но в то же время, операизм рассматривал критику работы просто как базис, на котором может быть построена организация. Операисты видели в самом факте работы объединяющий элемент всех категорий пролетариев: официальной и неофициальной, оплачиваемой и неоплачиваемой, постоянной и временной. Поэтому, даже когда операисты поддерживали низовое рабочее сопротивление, то их целью было утверждение работы на основе объединяющего требования «политической зарплаты». Операизм, вместо того, чтобы обращать все внимание на работу как на разделенную реальность конституировал идентичность рабочего/женщины/безработного/иммигранта/студента. Критика работы использовалась как средство требования равномерного распространения наемного труда. Операисты боролись за универсализацию труда как всеобщего мерил вещей, что определенно было далеко от уничтожения труда. (См. ZeroWork #1-1975) Эта противоречивость ярко отражена в лозунге Potete Operaio: «От борьбы за зарплату к отрицанию работы»

Мы здесь не можем подробнее останавливаться на этом. Больше информации на этот счет есть в замечательных сборниках Red Notes «Italy 1977-78. Living with an Earthquake» и «Working Class Autonomy and the Crisis»

ясняющих классовую борьбу прошлого и настоящего. Поражения объяснялись признанием работы, частичные успехи — активным неподчинением фабричной дисциплине, а революция — полным отказом от неё. В соответствии с этими представлениями рабочие до определенного момента разделяли культ производства. Но теперь они могут освободиться ото лжи — капитал, вытесняя из трудового процесса всё творческое и гуманное, делает работу все более абсурдной, лишая при этом сотни миллионов пролетариев единственного источника дохода.

Недавно немецкая группа «Кризис» замечательно продемонстрировала, как идея отрицания работы превращается в философский камень революции.⁴

Взгляд на роль «работы» в революционной практике кардинально поменялся, начиная с 70х. До сих пор рабочий класс пытался утвердиться как класс работающих, т.е. пытался социализировать работу, но не покончить с ней, ибо до сегодняшнего дня развитие капиталистического общества предвосхищало коммунистическую перспективу. Что бы пролетарии (или радикальные меньшинства) себе не представляли, они боролись за капитализм без капиталистов, за капитализм, управляемый рабочими. Настоящая критика работы была невозможна в 60-70ых; 68ой год рассматривался, как последняя попытка рабочих утвердить себя как доминирующий элемент в паре капитал-наемный труд. Теперь же всё иначе — реструктурированный капитал не оставляет никаких возможностей для развития «рабочего» капитализма — именно эти идеи были выражены коллективом журнала «Théorie Communiste».⁵

Мы ни в коем случае не стремимся объединить такие группы как СИ и ThCo. Мы лишь пытаемся обратить внимание на то, что их связывает — убежденность в том, что защита ценности труда была большим препятствием на пути революции, и что это препятствие будет уничтожено скорее самим капитализмом, чем пролетариатом. Для нас очевидно, что взгляды этих групп — не результат какого-то обширного исторического исследования, и, что более важно, их изначальная позиция, как и их методология во многом ошибочны. Но главное то, что все они однозначно понимают революцию как процесс коммунизации, сопряженный с уничтожением государства и упразднением классов.

До 1914

Никто не будет оспаривать тот факт, что профессиональная гордость рабочих веками служила оправданием их рабского положения. Часто они действовали так, как будто их право на достойную зарплату (и на достойные цены, в «моральной экономике» Э. П. Томпсона) вытекает из их тяжелого труда и спо-

⁴ Манифест против труда ru.theanarchistlibrary.org

⁵ См. Théorie Communiste №17, а также книги R.Simon

собностей. Но если они боролись во имя работы, то выступали ли они за мир, в котором они займут место своих хозяев? Ответ на этот вопрос предполагает, что нам потребуется отделить рабочую практику от рабочей идеологии.

Старое рабочее движение обычно описывается, как попытка достичь утопии, в которой рабочий стал бы королем. Конечно, это было одним из изменений этого движения, но далеко не единственным и не определяющим все остальные. Непонятно, как тогда в эту концепцию вписываются постоянные требования сокращения рабочего дня? В 1593, в Лионе, печатники организовали четырехмесячную забастовку с требованием сокращения рабочих часов и увеличения продолжительности отпусков. В 18 веке французские рабочие бумажного производства брали отгулы, не спрашивая разрешения у хозяев. Маркс описывал, как английские буржуа были шокированы тем, что рабочие решили работать (и получать) меньше, приходя на работу 4 дня в неделю, а не 6.

«Жить рабочим или умереть бойцом». Знаменитый лозунг Лионских ткачей 30-ых годов 19 в., конечно, означает требование работы, но скорее работы не как позитивной реальности, а как средства против ухудшения жизненных условий. Восстание ткачей 1834 года не было вызвано применением машин, которые отнимали у них работу. Машин уже использовались в производстве. Рабочие фактически боролись с властью торгашей, которые распределяли работу, как им вздумается, и платили бессовестно мало. Когда ткач хорошо отзывался о качестве своего сукна, он говорил не как средневековый ремесленник, он говорил о сути своей жизни.

Да, в июне 1848ого закрытие правительством национальных мастерских привело к парижскому восстанию. Но эти мастерские не были больше действенными общественными институтами, а были лишь средством трудоустройства безработных. Причиной закрытия национальных мастерских была нерентабельность, причиной же восстания была борьба рабочих за выживание, а не за гарантированную работу на государство, в котором они якобы видели прообраз социализма.

В то время многие бунты и стачки были реакцией на механизацию, что выражало естественное желание ремесленников, как сохранить (действительное или воображаемое) человеческое содержание их труда, так и попытаться защититься от эксплуатации. Когда текстильщики Руана решили предотвратить установку более эффективного оборудования, они боролись не за честь профессии, они хотели приостановить ухудшение условий жизни. В это же время другие нормандские текстильщики требовали 10-часовой рабочий день, а строители — прекращения сверхурочных работ, ставших основной причиной несчастных случаев и безработицы.

В Парижской Коммуне после захвата нескольких предприятий была установлена определенная ставка заработной платы, а их владельцы должны были возобновить работу своих заводов. Но и в этом случае целью коммунаров было

обеспечение рабочих доходом, а не осуществление контроля над производством.

Этот короткий обзор практики классовой борьбы 19ого века подчеркивает непосредственное соседство различных форм этой борьбы. Одно из направлений можно охарактеризовать как «модерновое», ориентированные на повышение заработной платы, а иногда и на отказ от работы (проще говоря, «работать меньше, получать больше»). Целью другого направления классовой борьбы было взятие рабочими под свой контроль процесса индустриализации, используя для этого производственные и потребительские кооперативы, что положило бы конец частному капиталу, когда они оба станут частью тотального капитала. Ассоциация — ключевое слово, выражающее двусмысленность этой эпохи; оно выражает идеи и торгашеских отношений, и братской общности. Многие рабочие рассчитывали, что кооперативы будут более конкурентоспособными, чем частный бизнес, устранят капиталистов с рынка, уничтожат их социальную роль и, возможно, заставят их присоединиться к рабочим — таким образом, единый рабочий класс победит буржуазию в ее же собственной игре.

1848 отпел зауспокойную по утопии рабочего капитала, утопии о трудящихся как правящем классе, а потому классе единственном и универсальном. С тех пор рабочие знают свое место в системе труд-капитал. Растущее профсоюзное движение не будет оспаривать монополию на капитал, которым владеет буржуазия, но установит монополию на рабочую силу. Программа народного капитализма потеряла всякую актуальность. В то же время правящие классы оставили всякие попытки строительства «другого» капитализма, изображаемого и иногда практикуемого передовыми великодушными индустриалами типа Р. Оуэна. По обе стороны капиталистического антагонизма капитал и труд знали свое место.

Этим также объясняется провал кооперативного движения. Имевшиеся производственные кооперативы появились на свете благодаря просвещенной буржуазии, а те, что имели рабочее происхождение, вскоре превращались в обычные капиталистические предприятия.

Случай со стекольным заводом в Альби является хорошей иллюстрацией этой тенденции. Высококвалифицированные рабочие-стеклодувы, организованные в средневековую гильдию, контролировали срок обучения новичков. Чтобы стать полноценным стеклодувом требовалось учиться 15 лет. Этим рабочим аристократам платили вдвое больше, чем шахтерам. В 1891ом году, в результате продолжавшейся несколько месяцев стачки против введения новой технологии появился профсоюз, который администрация попыталась уничтожить, провоцируя новую стачку. Хозяева устроили локаут, а после отказались принимать на работу обратно наиболее активных забастовщиков. Выходом из этого тупика казалась идея кооператива. Кооператив был создан в 1892ом после сбора общественных пожертвований: помогли некоторые буржуа, а сами рабочие вложились половиной своих доходов. Чтобы оставаться

прибыльным, кооперативу приходилось сочетать высокую квалификацию и доходы, народную поддержку и внешнее финансирование. Самоуправление вскоре потеряло всякий смысл. Завод прошел через серию промышленных споров с CGT, который, как крупнейший акционер, занимал двоякую позицию профсоюза и капиталиста: несколько месяцев завод бастовал в 1912, четырехмесячная стачка в 1921, остановка производства на 7 месяцев в 1924 и так далее. Кооператив ещё существовал в 1968ом.

Кооперативы как проект общественных изменений не имели никаких перспектив уже в середине 19го века. Когда сегодня шахтеры уэльской Tower Colliery выкупают рабочие места, от которых компания хотела избавиться, и затем управляют ими сообща, даже те, кто поддерживают и восхваляют их, не рассматривают их успех на рынке и в политическом поле как метод решения проблем, применимый где-то за пределами конкретно этого предприятия.

1917-21: Россия

Между Февралем и Октябрем 1917ого, «рабочий контроль» никак не помог в возобновлении производства.⁶ Позже пролетариев стала принуждать к работе власть, которая была обязана своим собственным существованием именно им, но и тогда они не проявляли особенного производственного энтузиазма. Они часто проявляли неуважение к тому, что «по идее» принадлежало им. Виктор Серж описывает, как петроградские рабочие разбирали станки по частям и разрезали приводные ремни, чтобы сделать тапочки и подошвы, которые они затем продавали на рынке.

Партия Ленина пришла и осталась у власти не путем бюрократических интриг, а путем рабочей борьбы. Но в отсутствие социальных перемен большевистская партия, ставшая новым государством, начала управлять страной, как и обычная власть: много обещаний, мало действий и репрессии для остальных. Рабочие, изначально не способные и не желавшие управлять производством в своих интересах, столкнулась лицом к лицу с новыми хозяевами, которые убеждали их, что теперь они работают только ради самих себя и на благо мировой революции. Реакция на это была обычной — индивидуальный и коллективный протест. Например, несколько забастовок на Путиловском заводе — известном рабочем бастионе — были затоплены в крови ещё до 1921ого и Кронштадта.

Историческая трагедия состояла в том, что одна часть рабочего класса, организованная в партию и государственную власть, заставляла другую часть работать на благо революции, из-за чего эта революция и погибла. Это противоречие сразу обнаружили анархисты, затем уже Германско-голландские левые коммунисты, и гораздо позже (а некоторые и до сих пор не осознали) итальян-

---

⁶ S.Smith, Red Petrograd. Revolution in the Factories 1917-18

ские левые. В любом случае, такая ситуация положила конец всяким надеждам на рабочий капитализм.

Тогдашняя оппозиция большевистскому правительству (Левые Коммунисты, Махновщина, объединявшая рабочие коллективы, Рабочая Оппозиция, Рабочая Группа) была выражением этой невозможности. Не случайно, что наивысшей своей точки спор о том, кто должен управлять заводами, достиг в 1920ом году, на спаде революционной волны. Завершение этой дискуссии означает завершение раскола между массами и партией. Но это раскол не нес в себе ничего положительного — рабочие не предложили альтернативы большевизму. Пожалуй, только «Рабочая Группа» Мясникова выражала интересы рядовых пролетариев — скажем, «Рабочая Оппозиция» Коллонтай была уже голосом профсоюзов. Одна бюрократия против другой.

Но надо отдать должное партии в ее последовательности. Ещё в 1917 Лозовский утверждал: *«Нужно оговорить [. . .] чтобы у рабочих каждого предприятия не получилось такого впечатления, что предприятия принадлежат им»*. В то же время рабочий контроль выражал баланс сил: заводские активисты сохраняли социальный статус и доступ к документам, напрямую или через профсоюзные каналы. Однако лидеры не скрывали своих целей. В «Терроризме и Коммунизме» Троцкий определяет человека как «ленивое животное», которое необходимо силой принуждать к работе. Для большевиков рабочий контроль был хорошим средством удержания буржуазной власти, самодисциплины для рабочих и воспитания партноменклатуры.

Может показаться, что оппозиционные платформы (даже такие радикальные как группа Мясникова) могли провозглашать необходимость социализации работы; но, с учетом соотношения сил в мире в 1920ом, это вряд ли выглядит правдоподобно. Имевшиеся попытки экспроприации и реорганизации производства были лишь крайними мерами. Невозможно было как-то систематизировать опыт этих частичных спонтанных выступлений, да пролетарии особенно и не беспокоились по этому поводу. Рабочий класс держался в стороне от программ, желавших сделать его (не большевистскую партию!) настоящим правителем. В 1921ом бедняцкие массы трудящихся не участвовали во всех этих дискуссиях. Цель Рабочей Оппозиции, как и цель Ленина и Троцкого, была в том, чтобы заставить людей работать как можно лучше в обществе, над которым рабочие потеряли контроль. Русские пролетарии не собирались обсуждать условия и способы их эксплуатации. Происходившая дискуссия касалась только перестановки сил в верхах, но никак не социализации труда.

Кризис русской революции на практике доказал, что пока господствует капитал, труд не может быть освобожден и остается наемным, а приостановка уничтожения работы есть несомненный признак провала революции. В 1917-21 выбор стоял только между упразднением наемного труда и сохранением эксплуатации, иного варианта быть просто не могло.

Чуть позже Россия испытала на себе все прелести «материального стимули-

рования», рабочей аристократии, принудительных трудовых лагерей и коммунистических субботников в полной мере. Но не стоит переворачивать историю вверх ногами — российские пролетарии потерпели поражение не потому, что поверили в миф освобождения через работу, наоборот — их поражение освободило дорогу для строительства культа работы. Кто в действительности верил в идеологию субботников, за исключением тех, кто ожидал получить символическое или материальное вознаграждение? Стахановщина стала финальным аккордом в борьбе за/против труда и вызвала очень незначительную реакцию в виде убийств стахановцев коллегами. Что до самого Алексея Стаханова, то он умер от пристрастия к водке, а не к углю.

1920: Италия

Сочинения Грамши и статьи в Ordine Nuovo о захватах заводов итальянскими рабочими в 1920г подобны яркой, сказочной, но при этом немного неправдоподобной саге о движении, бывшем одновременно и грозным, пугающим, и домашним, ручным — прямое насилие, включавшее вооруженную охрану заводов, перемешано с потрясающей умеренностью в требованиях. Грамши описывает пролетария Фиата как *«интеллигентного, человеческого, гордого своей профессией»*: *«он не преклоняется перед хозяином»*, *«это социалистический рабочий, представитель нового человеческого рода»*, *«итальянские рабочие никогда не сопротивлялись нововведениям, которые снижают издержки, рационализируют работу и автоматизируют производственный процесс»*. (Грамши, Заметки о Макиавелли)

На профсоюзной конференции металлистов (Ноябрь, 1919) один из редакторов Ordine Nuovo, Таска, требовал цеховых делегатов изучать *«буржуазную систему производственных и трудовых процессов, чтобы достигнуть максимально возможных технических мощностей, необходимых для управления предприятием в коммунистическом обществе»*. Ordine Nuovo за сентябрь-20: *«Рабочие хотят доказать, что они могут справиться без начальников. Сегодня рабочий класс движется вперед благодаря дисциплине и подчинению своей организации. Завтра, в созданном его руками обществе он сможет достичь всего»*.

Реальность не подтвердила этих надежд. Рабочие не проявили желания увеличивать количество или качество работы. Отсутствие значительного производства в ходе захватов предприятий обнаруживает слабость продуктивистской идеологии и невозможность освобожденной или социализированной работы. Буоззи, генеральный секретарь профсоюза металлистов, признавал это: *«Все знают, что рабочие прерывают работу по самому пустячному поводу»*. За неделю с 21 по 28.08.1920 15,000 рабочих центрального завода Фиат сократили производство на 60%.

На римском Фиате висел транспарант *«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»*. Другой лозунг вторил ему: *«Труд облагораживает человека»*. Тем не

менее, из-за забастовок на Фиат-Бреветти рабочий совет принудил персонал вернуться к работе и создал «рабочую тюрьму», чтобы покончить с хищениями и тунеядством. Из-за «чрезмерного количества рабочих, берущих отгулы», центральный совет Фиата пригрозил уволить тех, кого отсутствовал на работе более 2х дней.

При выборе между преобразованием работы на социалистический манер, как того хотели профсоюзные и партийные бонзы, и отвращением, испытываемым к работе, рабочие не особо колебались.

Никакого права на лень

Отвлечемся от истории ненадолго. Ошибочно считать, что никто не интересовался теоретической критикой работы до 1960го. Ещё в 40ых годах 19в., Маркс и другие (Штирнер, например) определяли коммунизм как отрицание классов, государства и работы.⁷

Позже, в своей работе «Право на лень» Лафарг опередил свое время, когда критиковал лозунг революции 1848 года «Право на работу!»: *«работа деградирует, — утверждает он, — а индустриальная цивилизация уступает так называемым примитивным обществам. Чудовищная неосмотрительность привела современного человека к трудовой жизни»*. Но зять Маркса также оставался частью своего времени, разделяя миф о техническом освобождении: *«машина есть спаситель человечества»*. Он выступал не за уничтожение работы, а за ее сокращение до 3х часов в день. Нажимать на пару кнопок обычно менее вредно, чем вкалывать с утра до ночи, что, однако, не устраняет разделения между производством и остальной жизнедеятельностью. (Это разделение и определяет работу как таковую. Оно было неизвестно примитивным обществам, нетипично для доиндустриального мира, и прошли века, пока оно не стало привычным и нормальным в Западной Европе). Дерзкая проницательность Лафарга была критикой работы в рамках работы. Интересно, что этот памфлет (наряду с Манифестом) довольно долго оставался одним из самых популярных произведений в SFIO, старой французской социалистической партии. «Право на лень» представляет работу как благо и как зло, как счастье и как проклятье, но в любом случае, как неизбежную реальность, неотвратимую как сама экономика.

Рабочее движение стремилось доказать (по-разному, в соответствии с реформистской или революционной организацией), что рабочие могут управлять

⁷ *«Труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью только тогда, когда оно понимается как упразднение «труда»*

Маркс, Комментарий к книге Ф. Листа, 1845

экономикой самостоятельно. Но есть различие между всеми этими идеями и реальным поведением рабочих, которые делали все возможное, чтобы избавиться от «невыносимой тяжести работы» (8 пункт программы КРПГ). Эта фраза не так неоднозначна, если помнить, что КРПГ была партией, чья программа включала общий для всех рабочих партий принцип «рабочей демократии», но поднялась до отрицания работы и ее роли в социалистическом обществе. КРПГ не отрицала отчуждения, присущего работе, но при этом хотела обязать каждого трудиться на время переходного периода, чтобы создать предпосылки для перехода к коммунизму. Это противоречие стоит рассмотреть подробнее.

Рабочее управление как утопия квалифицированной рабочей силы

Стремление сделать рабочих правящим классом и построить мир трудящихся достигло своего апогея во время расцвета старого рабочего движения. Тогда Второй и Третий Интернационалы были больше, чем просто большими партиями и профсоюзами, они были носителями другого образа жизни, контр-обществом. Это стремление выражалось как в марксизме, так и в анархизме (особенно в его революционно-синдикалистской форме). Оно совпало с ростом крупной промышленности, когда мануфактурный период был уже позади, а эпоха научного менеджмента ещё не наступила.

«*Шахты — шахтерам, фабрики — рабочим. . .*» Это имеет смысл только, когда люди могут идентифицировать себя через свой труд, и когда они коллективно производят, то чем они являются. Хотя железнодорожники сами не изготавливают локомотивы, они вправе утверждать: «Мы управляем железнодорожными путями, значит, мы и есть железнодорожная система». Эти рабочие уже не были пролетариями первого поколения, ремесленниками, объединенными в мануфактуре. Те мечтали об индустриализации в рамках своих мастерских и мелкой частной собственности без денежных отношений (см. например прудоновские бесплатные кредиты или народные банки Луи Блана). Наоборот, для квалифицированного металлурга, шахтера, железнодорожника, докера не было пути назад. Его Золотой Век находился не в прошлом, а в будущем, основанном на гигантских заводах. . . без хозяев. Опыт работы в относительно самостоятельной бригаде позволял рассчитывать, что он сможет коллективно управлять заводом и, схожим образом, всем обществом, которое представилось как демократическое объединение предприятий. Начальники только раздают задание, поэтому рабочие полагали, что смогут обойтись и без них. Рабочая или «индустриальная» демократия была продолжением общинности (мифической и реальной), существовавшей на профсоюзных собраниях, во время забастовки, в рабочем районе, в пабе или кафе, в профессиональном языке, внутри мощной сети социальных институтов, формировавших жизнь

рабочего класса, начиная с гибели Парижской Коммуны и заканчивая 50-60ми годами 20го столетия.

Неквалифицированный рабочий уже не может представить себе управление трудовым процессом, когда тот фрагментирован по участкам внутри цеха как по разным географическим областям. Никакой рабочий не может считать машину своей собственной, когда комплектующие для нее поставляются с двух-трех континентов. Тотальность раскола. Работа теряет свою целостность. Рабочие больше не объединены ни содержанием своей деятельности, ни глобальностью производства.

Тейлоризированные рабочие (например, американские 30х годов) не сформировали советов. Коллективный орган борьбы не был одновременно и потенциальным органом управления. Забастовочные и оккупационные комитеты были лишь инструментом солидарности и служили только своей специфической функции, они не были органом, представляющим рабочий класс в других сферах (особенно в управлении предприятием). Тейлоризированное рабочее место лишает рабочих пространства для самоуправления. Хорошим подтверждением этого стало появление рабочих советов в «социалистических» странах, в которых преобладало крупное механизированное производство, не затронутое «научным менеджментом»: Восточная Германия'53, Польша'55 '71, Венгрия'56, Чехословакия'68.

«Мир будущего будет миром рабочих», — утверждали китайские коммунисты в 1920г. В этом был рай квалифицированной рабочей силы. Однако, после 1914-18 даже там, где движение было на пике, в Германии, где значительное меньшинство нападало на профсоюзы и парламентскую демократию, где группы наподобие КРПГ выступали с рабочей программой, почти не было попыток захвата производств, чтобы управлять ими. На практике, ни рабочие Берлина, ни рабочие Турина не защищали работу как основу будущего социалистического общества. Фабрики служили в качестве опорных пунктов в оборонительной системе рабочих, а не в качестве рычагов для общественных преобразований. Даже в Италии завод не был бастионом, который надо было отстоять любой ценой. Многие туринские рабочие приходили на работу днем, ночью покидали рабочее место и возвращались утром. (Такое поведение повторится в Жаркую Осень'69) Это не признак какого-то радикализма. Эти пролетарии отказывались от изменения мира в той же степени, в которой отказывались от работы; они всего лишь пытались взять у капитала всё, что могли. Тысячи плакатов и речей, восхваляющих труд явно, противоречат фактическому отказу от работы. В общем, пока ничто не доказывает, рабочий класс был полностью загнан (или сам себя загнал) в контрреволюционную ловушку работы.

Июнь 1936: Франция⁸

Целью сидячих забастовок Июня 36го никогда не было возобновление производства. Рабочие не защищали оборудование от мнимого саботажа — стачки использовались для давления на начальство или просто отдыха. Этот сознательно «несерьезный» аспект борьбы был гораздо важнее сомнительного стремления продемонстрировать превосходство производительных сил при рабочем порядке над таковыми при буржуазном строе. Кто-то даже увидел элементы рабочего управления на захваченных заводах. Мерзкое и отчуждающее место вдруг за пару недель превратилось в пространство истинной свободы. Нет, те акции не были ни революцией, ни даже ее началом; это был акт неповиновения. В рамках борьбы за конкретные материальные требования было пространство и время для проведения не совсем легального, но вполне заслуженного отпуска. Забастовщик мог с гордостью проводить экскурсии по фабрике для своих домочадцев, однако длительные совместные трапезы, его пение и танцы ясно показывают нам радость отсутствия на работе. Чуть позже в Америке сидячая забастовка также станет возвращением настоящего, краткосрочным захватом собственного времени.

Большинство рабочих понимало ситуацию лучше, чем Троцкий («Французская революция началась») или Марсо Пивер («Возможно все»). Они осознавали, что 1936ой не предвещает социальной революции; у них не было ни достаточной подготовленности, ни желания ее свершать. Они достигли максимума в рамках борьбы за работу, 40-часовая рабочая неделя и оплачиваемый отпуск стали символами того времени. Они также сохранили возможность продавать свою рабочую силу капиталу в его старой форме, а не коллективному капитализму, управляемому трудящимися. CGT держалось в стороне от проекта нового общества социализированной работы. Июнь 36го ставил более скромную и реалистичную задачу: возможность рабочего продавать себя так, чтобы с ним не обращались как с бездушной вещью. В это время становятся распространенными различные формы отдыха и образования, организованные для рабочих и иногда ими самими: фабричная культура, народные театры, молодежные общежития и т.д.

Сопrotивление работе продолжалось ещё долго и в более враждебном окружении. Профбоссы и Народный Фронт настаивали на приостановке борьбы, на необходимости перевооружения Франции. Однако пролетарии к тому времени уже преуспели в ослаблении внедрявшейся на заводах с 1929года полувоенной дисциплины. К весне 36ого они уже привыкли опаздывать на работу (или вовсе прогуливать), уходить раньше, сачковать, не подчиняться правилам и даже пить на работе. Многие отказывались от сдельной платы. На Рено из-за

⁸ Подробнее о событиях во Франции и Испании смотри M.Seidman «Workers Against Work during the Popular Front»

постоянных забастовок и задержек в ходе производства в 38ом году производительность была ниже, чем в 36ом. В авиапромышленности сдельная плата была фактически отменена. Эти тенденции проявлялись не только на больших заводах, но также среди строителей и водопроводчиков. Только после провала в ноябре всеобщей забастовки, защищавшей 40 часовую рабочую неделю, и после того, как правительство призвало полицию и армию (Париж сутки находился фактически в осадном положении), на фабрики вернулась дисциплина, а рабочее время было значительно увеличено, что повысило производительность и выпуск продукции. Глава правительства и один из лидеров Народного Фронта Э. Даладьё хвастался, что он «вернул Францию на работу».

1936: Испания

Испанская революция богата большим количеством полезных практических нововведений таких, как равное отношение обслуживающего персонала к посетителям (отказ официантов брать чаевые) или попытка отказа от монетарной экономики и развития нетоварных отношений в производстве и между людьми. Этот революционный момент важен, как опыт вытеснения из жизни работы, обособленной деятельности. Главной целью была организация общественной жизни без или вне правящих классов. Испанские пролетарии в полях и на заводах стремились не к совершенствованию производственного процесса, но к вольной жизни как таковой. Они не освобождали производство от капиталистических оков, но освобождали самих себя от власти капитала⁹.

Отвращение, испытываемое к работе, всегда было отличительной чертой испанского рабочего класса. Это отвращение сохранилось и при Народном Фронте. Оно, в конечном счете, вошло в противоречие с программой (прежде всего — с анархо-синдикалистской), призывавшей рабочих к максимальному участию в управлении своим рабочим местом. Рабочие не проявляли особого энтузиазма в обсуждение организации производства на регулярных собраниях. На практике, самоуправление обычно означало профсоюзное управление активистами и чиновниками НКТ и УХТ. Это они рассматривали самоуправление производством как путь к социализму, но рядовые пролетарии не соглашались с подобной перспективой.

Некоторые предприятия вынуждены были перенести профсоюзные собрания с воскресенья на четверг из-за большой неявки. Рабочие также отрицали

⁹ Похожие события происходили в других частях света. В 1945ом 30000 шахтеров Северного Вьетнама захватили шахты, сформировали Советы, стали контролировать работу сферы обслуживания, почты, железнодорожной системы, платить всем поровну и обучать людей грамоте, пока армия Вьетмина не остановила забастовку. Как вспоминал один вьетнамский революционер, рабочие просто хотели «жить без начальников и полиции». Стремление поддерживать производство для них было далеко не на первом месте.

сдельную оплату, пренебрегали трудовым расписанием и уходили в «самоволку». Когда сдельщина была официально отменена, производительность резко упала. В феврале 37го профсоюз металлистов, входящий в НКТ, с сожалением констатировал тот факт, что слишком многие рабочие получили отпуск по причине производственных травм. В ноябре железнодорожники отказались выходить на субботники.

Профсоюзные чиновники, пытаясь преодолеть разрыв между правительством и рядовыми рабочими и покончить с прогулами и хищениями, возвращают сдельщину и строгий контроль рабочего времени. Некоторые даже предлагали запретить пить на работе. Несогласованное отлучение с рабочего места каралось трехдневным увольнением и лишением зарплаты за 3-5 дней. Чтобы противостоять «распушенности», враждебной «максимальной эффективности», НКТ предлагает закрывать бары и клубы после 10 часов вечера. Обсуждалась даже возможность разрешения проституции как крайне действенного средства релаксации после работы. Ленъ обличалась как индивидуалистичное, буржуазное, и, конечно, фашистское качество. В январе 38го, в ежедневной газете НКТ «Solidaridad Obrera» была опубликована статья «Мы устанавливаемый строгий порядок на рабочем месте», которая впоследствии не раз перепечатывалась в прессе НКТ и УХТ. В ней автор требует от рабочих не вести себя «как обычно», т.е. не саботировать производство и не работать как можно меньше. *«Теперь все совершенно иначе, ибо промышленность становится базисом коммунистического общества».*

За исключением рядовых анархистов и радикалов типа Друзей Дуррути или ПОУМ, партии и профсоюзы, выступавшие за власть труда, были идентичны организациям, выступающих за сохранение господства капитала. В 37ом дискуссия была закончена, а противоречие вскоре было снято — силой.

1945: Франция

Ещё в 1944 году ряд французских компаний перешли под руководство профсоюзов, как на автозаводе Берлие. Деятельность нескольких сот предприятий по всей стране контролировалась рабочими комитетами. Совместно с администрацией они заботились о производстве, зарплате, столовых и социальном страховании, кадровых вопросах. Как заявлял один чиновник CGT в 44ом: *«Рабочий — это, прежде всего, человек. Он должен знать, на кого он работает. [. . .] Рабочий должен чувствовать себя на работе как дома [. . .] и благодаря профсоюзу вовлекаться в управление экономикой».*

Но все эти мутные «самоуправленческие» притязания не могли скрыть капиталистической сущности производственного процесса. Возьмем, к примеру, шахтеров. Для прославления его рвення к добыче угля, для его профессиональной гордости было сделано действительно многое. Кадры кинохроники

показывают, как лидер компартии М.Торез выступает перед тысячами шахтеров в рабочей одежде, убеждая их делать то, что он называет их классовым и национальным долгом: производить и производить, все больше и больше . . .

Нет никакого смысла в презрении к шахтерской гордости, но мы обязаны показать ее ограниченность. Каждая социальная группа вырабатывает свой образ, и каждая группа гордится тем, что она делает. Самопочитание работников копей было объективно обусловлено. Официальный статус шахтера не только предоставлял немалые привилегии, например бесплатное медицинское обслуживание и отопление дома, но также приносил в шахты дух отеческого надзора. Так CGT контролировала труд и повседневную жизнь. Прослыть тунецом означало стать чем-то подобным вредителю или даже фашисту. Все это заканчивается тем, что уже мастер решает, кто и сколько обязан добыть угля.

Но настоящая классовая гордость шахтеров была связана скорее с общинностью труда (фестивалями, ритуалами, солидарностью), чем с содержанием работы, и уж тем более не с навязанными целями (производить для возрождения Франции). В своем дневнике, относящемся к 30-40ым годам, радикально настроенный шахтер Constant Malva никогда не описывает величественность и красоту своего ремесла; для него работа — это работа, ничего больше.¹⁰

Продуктивистские речи и практики должны были восполнить пробел. Все, включая простых людей, должны были быть патриотами и клеймить буржуазию за сотрудничество с оккупационными властями. Кроме того, уголь — основной энергетический ресурс, он особенно важен для разоренной экономики. Добавьте к этому синтезу патриотизма и продуктивизма политический фактор: люди должны были забыть поддержку ФКП пакта Молотова-Риббентропа, ее признания начавшейся войны как «империалистической» и последующего присоединения к антинемецкому Сопротивлению.

Возвращение пролетариев к работе означало их реинтеграцию в национальное сообщество и репрессии по отношению к собственникам, замеченных в открытом коллаборационизме. Вот почему в 1945 году правительство национализировало Рено. Клеймение буржуазии как антирабочей и антифранцузской шло рука об руку с прославлением самоуправления. Но даже это было возможно лишь потому, что компартия в действительности не стремилась к власти. Там же, где коммунисты возглавили правительство (например, в Восточной Европе), они не бросались подобными лозунгами. Фактически, типичный французский (американский, итальянский, . . .) сталинист полагал, что государство в «социалистических» странах делало все для процветания трудящихся, но рабочие при этом не являлись хозяевами собственных заводов: все для народного блага, ничего от самих людей . . .

Вся послевоенная история похожа на театр теней. Профсоюзы и рабочие

---

¹⁰ Constant Malva «Ma nuit au jour le jour». В то же время, Бельгия вынуждена была ввезти тысячи итальянских рабочих, так как местные слишком сильно не хотели спускаться в шахты.

партии делали гораздо больше для утверждения рабочих как класса и внедрения рабочей демократии, чем сама буржуазия. После проблемных 20ых, после постоянного отрицания работы в 30ых на повестке дня становится необходимость принуждения пролетариев к восстановлению экономики. В это время рабочих интересовал только хлеб насущный, их совершенно не волновало строительство рая для трудящихся. Забастовки 47-48 годов это замечательно продемонстрировали; они доказали способность КПФ (и ее итальянской сестрицы) изменять и направлять реализацию потенциала классовой борьбы, подавляемую с момента окончания войны.

1945: Италия

В 1942 году Италию сотрясла волна забастовок, апогеем которой стало восстание 25 апреля 1943 года, когда немцы были выбиты из Турина после пяти дней уличных боев. В учрежденном национальном совете тогда преобладали сталинисты: на Фиат-Мирафиори 7000 рабочих из 17000 числились в компартии. Восстановление экономики становится на первое место. В сентябре 1945го профсоюз металлургов заявлял: *«страждущие массы готовы перенести ещё большие трудности (снижение зарплат, увольнение тех, кто имеет сторонние доходы, частичные сокращения) ради возрождения Италии. [. . .] Мы должны наращивать производство и оптимизировать трудовой процесс — это единственный спасительный путь».*

В декабре Комитеты Национального Освобождения превратились в Комитеты по Управлению Предприятиями или установили контроль над аналогичными структурами, созданными в рамках муссолиневского корпоративизма. Главная функция каждого КУП заключалась в том, чтобы вернуть людей на рабочие места и встроить их в иерархию предприятия. Это была смесь тэйлоризма и стахановщины: молодежные отряды, группы добровольцев, дополнительные материальные стимулы, надбавки за уборку и содержание оборудования в исправности. Идея была в том, чтобы повысить «интерес трудящихся классов к достижению успехов в производстве».

Реальность же полностью противоречила пропаганде. Борьба за улучшение условий труда не прекращалась, а производственный энтузиазм оставалась очень низким. Бюрократы КУП требовали от партии большей убедительности в агитационной работе — рабочие позволяли себе днем иногда вздремнуть. Когда профсоюзные активисты пытались убедить рабочих в том, что работа — это их почетная обязанность, рабочие заклеили их фашистами. Фабричный староста Мирафиори замечал по этому поводу: *«для них свобода была свободой ничего не делать».* Рабочие могли приходиться на работу к 8:30 и начать завтракать. Один бывший повстанец, устроившись на Мирафиори, с сожалением отмечал, как рабочие злоупотребляли своими свободами, как они слоняются без дела в уборных: *«Они бастуют только для того, чтобы поиграть в игры, у*

нас же были более серьезные намерения». Это определенно был не лучший материал для строительства социализма. Персонал жестко противостоял всему, что пытались контролировать их время, противостоял возвращению «материального стимулирования» в любых его формах. Надписи типа «Долой расписание!» на стенах завода являлись отрицанием тейлористских лозунгов Ленина, так полюбившихся сталинистам.

Если КУПы в конечном счете доказали свою эффективность в восстановлении дисциплины и иерархии, то в повышении производительности они показали свою несостоятельность: в 1946 году производительность труда повысилась на 10%, что очень не много, учитывая крайне низкие показатели на момент окончания войны. Прежде всего, им не удалось создать «нового» пролетария, который стал бы управлять своей собственной эксплуатацией. Пролетарии больше доверяли своим прямым делегатам, цеховым комиссарам, которые заботились о забастовках, а не о производстве.

Забастовки продолжались до 1948го, последнего взрыва, направленного против усиливающихся репрессий и ухудшения жизненных условий. В апреле 47го была заморожена ставка заработной платы и сохранилась вплоть до 1954 года. Пятнадцать лет рабочие Фиата подвергались нещадной эксплуатации и лишались даже профсоюзной защиты. Другими словами, в 44-47 итальянские пролетарии потерпели поражение не потому, что хотели поставить труд над капиталом, оставаясь при этом производной капитала; буржуазия интегрировала их более традиционным путем — через партии и профсоюзы.

1968: Франция и остальной мир

В 1968ом тот элемент праздника, характерный для сидячих забастовок в 36ом, исчез во Франции, но был довольно распространен в Италии. Многие французские предприятия, контролируемые CGT, были фактически закрыты-ми учреждениями — профсоюз опасался влияния слишком буйных рабочих и «чужаков», нарушающих привычный ход забастовки. 68ой во многом был жестче 36го — небольшое, но решительное меньшинство пролетариев противостояло гегемонии сталинистов над промышленными рабочими.

Измерение праздника переместилось с фабрик на улицы, демонстрируя, как сутью борьбы становится преодоление разделения между трудом и повседневной жизнью. Во Франции зачастую самые радикальные пролетарии покидали заводы. Не было никакой Китайской Стены между «рабочими» и «студентами» (значительная часть которых никакими студентами и не была вовсе). Многие рабочие, зачастую рабочая молодежь, часть своего времени проводили в среде товарищей по работе, часть — в дискуссионных клубах или активистских коллективах, состоявших из меньшинств таких же рабочих с других заводов¹¹.

Во время Жаркой Осени многие рабочие часто захватывали заводы днем, покидали ночью и возвращались под утро, даже если им приходилось вести ожесточенные схватки с полицией и охраной, чтобы вернуть себе завод. Для них было существенным то, что находилось вне рамок рабочего места. Пассивное сопротивление (вольтынка) переросло в активное (коллективный саботаж, постоянные и стихийные собрания на сборочной линии); бунт вышел за стены завода.

Последствия 68ого дали такой жизненный опыт (многими этот опыт был усвоен), который представлялся как пример для подражания, но оставшийся маргинальным для движения. В 1973 обанкротившееся предприятие-изготовитель часов LIP находилось под самоуправлением персонала и впоследствии стало символом само-капитализма. Однако принципы его работы («Мы производим, мы продаем, мы выплачиваем себе зарплату») были не более чем остроумной, но отчаянной попыткой избежать безработицы и получить какой-то доход. Рабочие LIP больше занимались продажей товара, а не производством, пока им не пришлось закрыться. Революционеры середины 70ых верно объясняли феномен LIP как опыт самоэксплуатации, но они ошибались, когда рассматривали этот опыт как наглядный пример контрреволюции. Самоуправление не могло ни быть приемлемым для капиталистов, ни пользоваться успехом у рабочих.

Потом последовали и другие попытки самоуправления, особенно это касалось машиностроительной отрасли, также с частичным восстановлением производства и распродажей запасов. Но, опять же, все это было попыткой сопротивления в достаточно короткий период времени. Что бы там не выдумывали себе леваки, этот зародыш самоуправления не имел под собой какого-то твердого основания, чего-то, что могло бы мобилизовать рабочих. Подобная практика могла проявиться только на перепутье эндемичной, а потому обреченной на провал, критики работы и начала реструктуризации капитала, связанной с необходимостью устранения излишней рабочей силы.

1974: Португалия¹²

Революция Гвоздик привела к росту числа сидячих забастовок и захватов предприятий в самоуправление. В основном это касалось отсталых отраслей, где не было сложной технологии и использовался неквалифицированный труд: текстильная, мебельная промышленность, АПК, зачастую — мелкий и средний бизнес. Эти захваты следовали, в основном, после банкротства, действительно-

¹¹ R.Grégoire & F.Perlman «Worker-Student Action Committees». Так же смотри «Классовая борьба и ее самые характерные аспекты в последние годы» ru.theanarchistlibrary.org

¹² Phil Mailer «Portugal. The Impossible Revolution». Книга с чрезвычайно живым описанием и глубочайшим анализом тех событий.

го или умышленного, или закрытия завода владельцем. Иногда, таким образом, избавлялись от начальства, слишком явно поддерживающего режим Салазара, и стремились противостоять экономическому саботажу противников Революции. Самозахваты также служили отдельным целям возвращения на работу уволенных активистов или предотвращения плановых сокращений.

Этот взрыв социальной активности никогда не ставил под вопрос обращение денег или существование и функционирование государства. «Самоуправленцы» часто (и, конечно, с большим успехом, чем несталинистские организации) обращались к государству за финансовой помощью, а также просили его установить торговые связи между самоуправляющимися предприятиями и обычными фирмами. Зарплаты выплачивались, часто с уменьшенной дифференциацией ставок; иерархия была подорвана, рядовые работники могли демократически участвовать в принятии многих решений. Тем не менее, движение не пошло дальше рабочего контроля над производством, тарифной сеткой заработной платы и кадровой политикой. Опыт LIP был распространен на территории целой страны. Португальское движение было вехой в эпохе возрождения старых мертвецов (синдикализма, ленинизма, сталинизма, самоуправления) 60-70ых годов.

Критика работы/критика капитала

Цель этого короткого исторического обзора — бросить тень сомнения на известный тезис о том, что самоидентификация пролетариев как производителей была определяющей причиной наших поражений. Когда это рабочие в действительности пытались взвалить на себя бремя экономического роста? И когда же они конкурировали с традиционными буржуа или современными менеджерами в управлении компаниями? По крайней мере, абсолютно точно не было идеального совпадения политических программ и пролетарской практики. Рабочее движение не сводилось к утверждению труда. Попытки восстановления производства были лишь временным решением. Захват завода и возобновление работы не означали становления рабочих именно как класса выполняющих работу — это было лишь средством выживания наподобие выкупа обанкротившегося предприятия его сотрудниками. В конце 2001 года, когда текстильная фабрика Bruckman в Аргентине находилась под угрозой закрытия, рабочие захватили предприятие, чтобы сохранить производство, без всяких надежд переустройства капитализма в социализм, даже на одном, отдельно взятом предприятии. Позже ситуация повторилась в нескольких аргентинских компаниях. Такое поведение свойственно пролетариям, потерявшим веру в возможность изменить мир собственными руками.

Здесь важно понять, насколько мы детерминированы историей. Противоречие между критикой работы и подчинением существует на всем протяжении капиталистического развития. Разумеется, сценарий реализации коммунизма

изменяется в зависимости от исторического момента, но его принципиальная суть остается инвариантной и для 1796, и для 2002 года. Если описанная Марксом вселенная пролетариата существует, тогда подрывной элемент, заложенный в самом общественном положении пролетария, живет в нем всегда, вне зависимости от того, какие формы это положение принимает в ходе капиталистической эволюции. Иначе, мы не сможем объяснить, как ещё в 40ых годах 19 века находились люди, которые могли определять коммунизм как отрицание наемного труда, классов, государства и работы. Если все определяется исторической необходимостью, которой в 1845ом году для коммунизма, очевидно, ещё не было, как мы сможем тогда объяснить развитие коммунистической теории в то время?

Провал послеоктябрьского революционного движения дал полную свободу социал-демократическому и сталинистскому продуктивистскому культу.¹³ Рассматривать это движение как следствие подобного культа, значит ставить вещи с ног на голову. И Сталин, и Маркс использовали термин «диктатура пролетариата», но очевидно, что понимали они под эти совершенно разные.

Раз победила контрреволюция — работа в США, как и в Советском Союзе, могла быть только принудительной — рабочие не стали псевдоправлящим классом, но оставались угнетаемыми, причем угнетаемыми вполне традиционными способами. Идеология рабочего управления отрицалась всеми профсоюзами и рабочими партиями. Они получили свой кусок власти в советах директоров корпораций и в правительствах, и теперь заботились об экономическом росте, прибегая к старым добрым методам, приносившим буржуазии доход столетиями.

В моменты наибольшего обострения общественных противоречий пролетарии (чтобы даже они не думали и не говорили) никогда не утверждали себя через утверждение ценности работы. Классовая борьба существует всегда, причем она принимает не только форму коллективной борьбы за сокращение рабочего дня и увеличение зарплаты. Всякая повседневная жизнь в офисе или цехе состоит из прогулов, мелких краж, волынки, симулирования болезней, возможно саботажа или угроз начальству. Если «халявные» стачки (например, когда транспортники не берут плату за проезд или почтовики — за пересылку и телефонные звонки) так редки, то это явный признак того, что забастовка дает благоприятную возможность забить на работу.

Мы не говорим о том, что сущность пролетариата всегда находилась, и всегда будет находиться в подполье. Двойственное положение наемного работника в производственном процессе означает его двойственное отношение к работе. Работа одновременно уничтожает наши возможности и знания и позволяет хотя бы отчасти проявить их. Никто не сможет держаться на работе долгие

¹³ О том, как сталинизм и нацизм восхваляли труд и уравниловку см. издание Internationalist Communist Group «Communism» №13 (2002) «On the Praise of Work»

часы и годы, не проявляя при этом ни малейшего интереса к содержанию своего труда.

В кризисные периоды пролетариям усиленно навязывается работа, и в то же время они проявляют глубокое безразличие к ней. В такие моменты они инициируют критику своего положения в обществе, ибо отказ от работы — это первый шаг в отрицании самих себя как пролетариев.

Несомненно, они недалеко прошли в этой критике. И главная проблема именно в этом. Но критика работы вовсе не является тем измерением рабочей борьбы, которым до сих пор пренебрегали. Сколько мужчин и женщин с радостью изнуряют себя на монотонном производстве будильников и ручек или обработки данных для Национальной Службы Здоровья? Сам рабочий как никто другой понимает, что работа — его враг, и делает все, чтобы избавиться от нее. Гораздо труднее ему представить (тем более — воплотить в жизнь), что он сможет одновременно избавиться и от капитала и от работы. Так, может, до сих пор пренебрегали именно критикой капитала? Люди обычно валят вину на власть денег и алиенацию работы, гораздо реже они критикуют то, что связывает их — обмен своей деятельностью на доход, т.е. систему наемного труда.

До сих пор, провал пролетарского движения был обусловлен не движением капитала, но лишь собственной активностью. Могут быть заданы лишь условия, что не дает, и никогда не будет давать средств для их использования. Истинный ответ будет получен только тогда, когда будет законченno преобразование мира.

В любом случае революционная ситуация скорее ослабляет, чем усиливает идеологию освобождения через труд. Спад революционного движения порождает самоуправленческие практики, не касающиеся вопроса о буржуазной власти и подавляемые рано или поздно этой властью.

Идеал рабочего капитализма и попытка его осуществления не достались нам от прошлого, которое может быть, наконец, преодолено на фазе реального доминирования капитала.¹⁴ Верность работе — это не иллюзия, от которой рабочие должны отказаться (как думали ситуационисты), и не исторический этап, который был неизбежен, но теперь уже пройден (как думают *Theorie Communiste*). Наемный труд — это не навязанное нам извне явление, а социальное отношение, формирующее наше общество; коллективная верность работе вписана в структуру этого отношения.

Современность и капитализм

Некоторые теоретики рассматривают современный капитализм как произ-

¹⁴ О формальном и реальном господстве капитала см. Grundrisse, а также рукописи 61-65 годов, также известные как «неопубликованная 20-ая глава Капитала».

водство стоимости вне работы: стоимость настолько размыта, что ее агенты и моменты производства рассредоточены по всему социальному полотну.

Ни теория (в особенности Grundrisse Маркса¹⁵), ни факты не подтверждают этот тезис. Конечно, сегодня валоризация зависит от прямого участия отдельного работника в гораздо меньшей степени, чем от коллективных устремлений. Производственный вклад каждого работника сейчас гораздо труднее обособить, чем в 1867ом. Тем не менее, это не недифференцированное социальное целое, создающее капитал. Сборщик, водитель грузовика, it-специалист, рыночный аналитик. . . не создают прибавочную стоимость в равных объемах. Теория «общественной фабрики» релевантна, когда она учитывает неоплаченный производительный труд (домохозяек, например). Но она определенно нерелевантна, когда рассматривает стоимость как продукт однородного целого. Менеджеры понимают Маркса лучше, чем Тони Негри: они все также продолжают совершенствовать структуру и расположение рабочих мест и отдельных производственных процессов. Работа не размыта, она отделена от остальной жизни. То, что ручной труд перестает быть единственным или основным источником стоимости, и растет доля нематериального производства, не отменяет того, что работа остается неотъемлемым элементом наших обществ. Смешно говорить о «конце работы», когда кадровые агентства остаются одними из крупнейших работодателей в США.

Во Франции, например, что бы там не говорили статистики и социологи о росте числа офисных служащих относительно заводских рабочих (80% которых — мужчины), обе эти группы часто вступают в супружеские отношения. Как следствие, у 40% детей один из родителей — «синий воротничок», занятый зачастию в сфере обслуживания. Этого рабочего теперь редко увидишь у проходной завода, теперь он занимается техническим обслуживанием, водит грузовик, перетаскивает товар в супермаркете и т.д. Половина французских рабочих больше не относятся к фабрично-заводскому пролетариату. Тем не менее, рабочие (традиционный промышленный пролетариат, рабочие обслуживающей сферы, занятые физическим трудом, тэйлоризированные клерки, кассиры и т.д.) остаются самой большой социальной группой. Данные факты ничего не значат для обоснованности или преждевременности коммунистической перспективы; они только показывают, что не произошло никаких фундаментальных изменений с 19 века. Согласно данным, изложенным в первом томе Капитала, обслуживающих рабочих было больше промышленных ещё в викторианской Англии. Если теория пролетариата неверна, то она была такой ещё в 1867ом, а не стала таковой сейчас, когда не осталось достаточно рабочих.

Капитализм есть первая всемирная система эксплуатации. Прибавочный труд больше не вымогается у того, кто организует и контролирует большую часть процесса производства, как это было в случае крестьянина при азиатской

---

¹⁵ Также см. первые и 16 главы Капитала т. I

деспотии, крепостного, угнетаемого помещиком и сборщиком податей, или ремесленника, обираемого купцом. В самом процессе труда не было элемента эксплуатации: отбиралась только часть произведенной продукции; только возможность продавать и покупать рабочую силу приносит эксплуатацию — не к краю человеческой деятельности, но в самое ее сердце.

Но именно благодаря тому, что рабочий продает свою способность к труду, он живет внутри капитала, он создает капитал в той же мере, в какой капитал создает его, что никак несравнимо со степенью зависимости крестьянина от своего господина или ремесленника от купца. Благодаря тому, что рабочий живет (и сражается за жизнь) внутри капитала, он производит и разделяет его принципы (демократия, потребительство). Продажа своей жизни для него неизбежна, поэтому он может отвергнуть работу (в действительности и в идеале) только, если отвергнет то, что делает его наемным работником, т.е. капитал. Другими словами, отрицание работы как нечто большее, чем повседневное сопротивление, возможно только в рамках коренного общественного переворота.

В доиндустриальные эпохи, во время Крестьянских войн в Европе или восстания тайпинов в Китае существовали автономные территории на протяжении десятков лет. На островах Вест-Индии черные рабы могли укрываться в горах и жить там сами по себе, вне цивилизации. Индустриальный мир не оставляет места для подобных альтернатив. Если бы в 1919ом петроградский рабочий решился сбежать с завода в деревню, капитализм настиг бы его там в считанные годы. Опыт испанских коммун 36-38 гг. не мог распространиться на большие территории. Пример из нашего времени: боливийские шахтеры имели опыт самоуправления в своих деревнях, с вооруженным ополчением, радиостанциями, кооперативами и т.д. Но подобную практику пришлось прекратить, когда шахты закрылись. Их социальная активность зависела от их роли в международном разделении труда. Только крестьянские общины могли существовать относительно долго, пока они оставались в стороне от мировой экономики. Современные рабочие не могут реорганизовать свое общество так, чтобы оно могло конкурировать с нормальным или «частнобуржуазным» капитализмом более-менее продолжительное время. Больше нет Третьего Пути.

Противоречие возможно не там, где мы представляли

Каждый, кто читал Маркса, знает, что он не закончил свой основной труд, и что он переписывал начало множество раз. Почему Маркс так подробно останавливается на товаре, почему он начинает с того, как капитализм раскрывает сам себя, а не даст просто его определение сразу? Если он обращает внимание в первую очередь на представление, а не на сущность капитала, то вполне

возможно, что для него эта сущность связана с представлением, которое есть не психологический процесс, но имеет отношение к саморепрезентации общества на столько, на сколько это возможно.

Автор Капитала говорит о постижении тайны. Какой именно? Вряд ли Маркс был озабочен только тем, чтобы доказать рабочему, что его эксплуатируют. Маркс рассматривал все аспекты капитала, чтобы сконцентрироваться на противоречии, ключевом скорее для коммунистического движения, а не для механики прибавочной стоимости¹⁶. Он исследует динамику общественной системы, которая в большей степени, чем все предшествующие общества, основана на тех, кого она поработает, даруя при этом средства уничтожения самой себя, а потому неизбежно втягивает в свой триумфальное и разрушительное развитие, используя социальный кризис как средство восстановления. Противоречивое положение пролетариата состоит в том, что он, с одной стороны, является носителем товара, который есть необходимая предпосылка появления всех других товаров, т.е. может преобразовать весь мир, с другой — он должен продавать этот товар, и, следовательно, представлять себя и действовать как создатель стоимости. Могильщик системы — ее же кормилец.

Только развитие товарного обмена позволяет отношениям между людьми утвердиться как отношения между вещами. В 19 веке рабочий видел капитал только в капиталисте. В 21 веке пролетарий часто рассматривает капитал просто как капитал, а не как свою собственную деятельность, (вос)производящую его. Фетишизм все также господствует, хотя он и не олицетворен. Обличители эксплуатации часто упускает саму суть экономики: подчинение всех и вся производству стоимости. С коммунистической точки зрения, в первую очередь важно не присвоение прибавочной стоимости, которое капитал стремится мистифицировать, но которое все пролетарии осознают. Важнее для нас то, что капитализм постоянно пытается навязать нам в повседневной жизни и вдолбить в наши головы — очевидность и неизбежность экономики, необходимость товарного обмена, продажи и покупки рабочей силы (как единственного способа избежать нищеты и диктатуры).

Конечно, работа как она есть не может быть социализирована, ибо сейчас это только средство выживания. Но проект социализации не становится от этого менее возможным. (Появление радикального реформизма подтверждает такую возможность) Как сказал один уволенный рабочий Moulinex в 2001ом, «сейчас нет ничего труднее, чем быть в одиночестве».

Идеология рабочей силы — необходимый элемент идеологии пролетариата внутри капитала. Товарность остается важнейшей реальностью для миллионов мужчин и женщин. Пролетарий никогда не будет сведен к чистому приращку капитала. Тем не менее, он чувствует потребность в признании и

---

¹⁶ В то время уже многие люди приходили к пониманию природы прибавочной стоимости, например Флора Тристан, которая писала об этом ещё в 1843г.

интеграции обществом, и эта потребность основана на единственной его собственности: труде. Это признание необходимо ему для того, чтобы продавать себя на хороших условиях. Соискатель на рабочую должность не будет пренебрегать своими достоинствами, иначе он только укоренит предрассудок, что профессиональные качества простого исполнителя ухудшаются.

С другой стороны, простой неидентификации себя с работой недостаточно для осуществления революции. Человек, который не связывает себя ни с чем, не сможет ничего подвергнуть критике. Неквалифицированный рабочий 1970-го был убежден, что это работа тупая, а не он сам. Он критиковал бессмысленность своей деятельности, недостойной его самого. Полностью отрицательный взгляд на весь мир и самого себя тождественен смирению и покорности перед всем. Пролетариат начинает действовать только тогда, когда он преодолевает нечто негативное в существующих условиях и создает нечто положительное вне их, то, что подрывает сложившийся порядок вещей. Не из-за недостатка критики работы пролетарии ещё не совершили революции, а из-за того, что они остались в рамках негативного отрицания работы.

Принятие работы не было ключевым фактором контрреволюции, а было лишь одним из ее основных следствий. Пропагандой же рабочей этики занимались профсоюзы, чтобы успешно торговать рабочей силой. Организации типа американского Ордена Рыцарей Труда не могли играть какой-либо значительной роли и исчезали с расширением крупного промышленного производства. Если рабочая этика была столь важна, то в фордистской системе ей уже точно не осталось места. Научный Менеджмент победил квалифицированных рабочих не пропагандой профессиональной гордости, а упрощением и фрагментацией рабочих операций. Все схемы материального стимулирования и делегирования полномочий, имевшие целью уничтожение автономии рабочего коллектива, в конечном счете, провалились, так как рядовые рабочие в общем оставались к ним равнодушными.

Господствующие идеи есть идеи господствующего класса. Идеология работы, какие формы она бы не принимала, есть буржуазная идеология работы, иной быть просто не может. Когда общественный консенсус рушится, эта идея идёт ко дну с остальными. Было бы странным, если глубокий кризис, вместо того, чтобы разрушить его, дал бы ему толчок к развитию.

Революция не точная наука

Первая часть нашего исследования была преимущественно посвящена истории, вторая — методологии. Наша критика детерминизма обращена, главным образом, к распространенной среди революционеров склонности рассматривать капитализм как дорогу к революции с односторонним движением.

Вездесущность капитала делает революцию (не)возможной — подобное объяснение можно повторять бесконечно и использовать даже через тысячу

лет, если капитализм все ещё будет существовать. Такая теория не объясняет ничего кроме самой себя. Вчера и завтра могут быть как отрицанием, так и поддержанием капитализма.

Многие провозглашают наступление последней стадии капитализма, когда система начинает разъедать себя изнутри. Все, что происходило до этого момента, было неизбежно, так как рабочие могли только реформировать капитализм. Теперь же реформы становятся бессмысленными, единственное, что могут пролетарии сегодня — это совершить революцию. Польза от радикальных пролетарских выступлений прошлого была только в том, что они подталкивали прогресс, который и сделал революцию сегодня возможной (необходимой).

Подобная логика может привести к оправданию Марксова «революционного реформизма» — подталкивания буржуазии к развитию капитализма и создания материальных предпосылок к коммунизму. Маркс не только внес огромный вклад в теорию коммунизма; на практике он поддерживал немецкую национальную буржуазию, восхвалял Линкольна, сотрудничал со многими реформистскими партиями и профсоюзами и в то же время яростно критиковал анархистов.¹⁷ Должны ли мы в таком случае быть на стороне Ленина (как буржуазного революционера) против Гортера и Бордиги? И вложил ли Рузвельт в дело освобождения человечества больше, чем Роза Люксембург?

В любом случае, теперь всякая неясность должна быть преодолена. Мы вступаем в последнюю фазу истории наемного труда: работа, подчиняясь лишь одной цели — производству и реализации прибавочной стоимости, становится все менее и менее осмысленной, все более и более примитивной и механической, что обеспечивает автономию труда от капитала и делает невозможным строительство капитализма без капиталистов. Если мы достигли точки распада, то пролетарии уже не могут утверждать себя в рамках капитала. Теперь вся сложная конструкция капитализма упрощается до непосредственного классового отношения, у пролетариев не остается иного выбора, кроме как прямого (класс-против-класса) противостояния капиталу.

Детерминистский подход пересматривает историю, чтобы понять, что помешало революции осуществиться, и обнаруживает препятствие в форме того общественного пространства, которое рабочие хотели захватить в рамках капитализма. Теперь уже нет места такой альтернативе — в мире реального господства капитала больше не осталось подобных общественных пространств.

---

¹⁷ Всякая хорошая биография Маркса (например, Меринга или, если брать что-то более современное, Ф. Уина) включает описание его политической деятельности. Маркс отдавал дань своей эпохе, когда в предисловии к первому тому «Капитала» писал, что он исследует «естественные законы» общественного развития. К счастью и в противовес речи Энгельса на похоронах своего друга, Маркс не был Дарвином пролетариата. Маркс никогда не пытался спрогнозировать ход истории. В своих поздних произведениях, он часто подчеркивал: у истории нет одного единственного пути развития.

Причины наших прошлых неудач станут причинами наших будущих побед. Все препятствия устраняются с завершением так называемого цикла «жизни» капитала, и революция становится неизбежной. Другими словами, социальный переворот больше не рассматривается как разрыв с теми общественными условиями, которые и подготавливают его — нам надо лишь следовать уготовленной судьбе.

В чем состоит главный недостаток подобной методологии так это в вере в то, что существует некая точка обозрения, с которой сторонний наблюдатель может охватить всю тотальность или всю суть прошлого, настоящего и ближайшего будущего человеческой истории.

Короче говоря, причины наших неудач видятся не в практических действиях пролетариев. Решающий элемент революционной динамики — это движение капитала. Сложная структура взаимодействия труда и капитала сводится к одностороннему отношению причины и следствия. История замораживается.

Мы же утверждаем, что нет иного конца для капитала, кроме как сознательного действия пролетариата. Никакой кризис, каким бы глубоким он не был, не сможет обеспечить уничтожения частной собственности. И любой глубокий кризис (самой системы, а не внутри нее) может стать последним, если пролетарии смогут им воспользоваться. Но «судный день» никогда не настанет, не пробьет час решающего неопосредованного поединка, когда пролетарии наконец встретятся лицом к лицу с капиталом и смогут начать настоящую революцию.

«Самоосвобождение пролетариата и есть крушение капитализма» — написал Паннекук в конце своей статьи «Теория крушения капитализма» (1934). Примечательно, что статья стала заключением дискуссии о циклах капитала и моделях воспроизводства (Маркса, Люксембург и Гроссмана). Нельзя описать коммунистическое движение в моделях воспроизводства капитала, иначе коммунизм для нас — всего лишь последний этап в эволюции капитала, такой же неизбежный, как и все предшествующие. Если бы дело обстояло подобным образом, то коммунистическая революция была так же естественна, как рост и старение человека, смена времен года и притяжение небесных тел, и так же научно предсказуема.

1789 мог произойти и на сорок лет раньше или позднее, без Бонапарта или Робеспьера, но буржуазная революция в любом случае произошла бы во Франции в 18ом или 19ом веке. Но кто будет утверждать, что коммунизм так же неизбежен? Наконец, кто мог предположить, что 1848, 1917, 1968 закончатся так, как они закончились? Никто не предсказывал взрыв 68ого. Те, кто утверждают, что его провал был неизбежным, просто знают его последствия. Детерминизм вернет себе доверие, только если сможет дать ясный прогноз.¹⁸

---

¹⁸ Понятно, что мы не проповедуем индетерминизм. XIXв был эпохой господства железной логики прогресса, не оставлявшей истории иного исхода, кроме как всеобщего мира и изобилия.

Не требуйте от теории чего она не может дать

Революция — не проблема, а теория — не решение этой проблемы. Два века современного революционного движения показали, что теория не может предсказать действия пролетариев.

История никак не доказывает, что есть некая прямая причинно-следственная связь между уровнем капиталистического развития и пролетарской активностью. Так же бездоказательно и то, что в определенный исторический момент основное противоречие всей системы сможет оказать давление на воспроизводство основного классового отношения и, следовательно, самой системы. Ошибка заключается не в ответе на вопрос, а в его постановке. Поиск силы, способной заставить пролетария отречься от своего участия в системе наемного труда, равнозначно стремлению решить с помощью и в рамках теории проблему, которая может быть решена (если она вообще существует) только на практике.

Нельзя исключать возможность нового проекта социальной реорганизации, который будет основан на рабочей этике. Железнодорожник 2002 года не живет как его предшественник из 1950го. Однако, этого недостаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что у него больше не осталось никаких альтернатив: либо окончательное смирение, либо революция.

Когда пролетариат, как кажется, ушел со сцены, вполне объяснимо сомнение в его реальности и способности изменить мир. Каждый контрреволюционный период имеет двойственную особенность, с одной стороны, для него характерны черты старого, но с другой, он не похож на предыдущий. Следствием этого могут быть и отказ от критической деятельности, и отрицание революционного субъекта, и усложнение языка теории, призванное объяснить прошлые поражения, чтобы гарантировать будущий успех. Если основываться на историческом опыте, единственное, что можно сказать вполне определенно, так это, что пролетариат остается единственным субъектом революции (в противном случае, революции не будет вообще), что коммунистическая революция возможна, а не определённа, и ничто не может обеспечить ее наступление и успех, кроме самой пролетарской активности.

Основной антагонизм общества (пролетариат — капитал) может привести к крушению капитализма только, если рабочий сопротивляется работе, то есть бросает вызов не только капиталисту, но бросает вызов и тому, что он создает и чем он является. Нет никакого смысла надеяться, что настанет время, и капитал как отслуживший свое механизм вдруг не сможет функционировать из-за снижения прибылей, перенасыщения рынков, слишком большой безработицы

Первая мировая война положила начало эпохе сомнения и антидетерминизма, воплотившейся в пресловутом «принципе неопределенности». Нет никакого смысла перенимать научную моду нынешнего века взамен моды прошлого.

или из-за неспособности классовой структуры к самовоспроизводству.

Старое рабочее движение утверждало: «Чем капитализм тотальнее, тем ближе мы к коммунизму». На что такие мыслители как Жак Каматт отвечали: «Нет, чем тотальнее капитализм, тем больше мы подчиняемся ему». Возможно, это смутит некоторых читателей, но наша позиция состоит в следующем: эволюция капитала не приближает и не отдаляет нас от коммунизма. С коммунистической точки зрения, в самом по себе развитии капитала нет ничего прогрессивного, и яркое подтверждение этому — судьба классизма.

Взлет и падение классизма

На практике, классизм представлял рабочий класс как класс капиталистического общества, в рамках которого рабочие организации должны захватывать как можно больше общественного пространства. Представительские органы трудящихся (социал-демократия, компартии, федерации профсоюзов) должны были конкурировать с органами буржуазии, захватывая все новые места во власти.

В теории, для классизма классовое противостояние выступает как самоцель, как если бы классовая война была равнозначна освобождению рабочих и всего человечества. Таким образом, в основе классизма находится как раз то, что по идее и должно подвергаться критике. Простое утверждение классового противоречия расставляет классы по разным углам ринга — но и только. Естественно, угнетатели во все времена отрицали существование классового антагонизма, но, тем не менее, первыми признали его существование отнюдь не социалисты, а буржуазные историки французской революции. Суть революционной теории состоит не в защите классовой борьбы, а в утверждении коммунистической революции как ее окончания.

Сегодня упадок классизма и рабочего движения настолько очевиден для всех, что нам нет никакой нужды приводить какие-то доказательства этому. Для некоторых революционеров исчезновение рабочей идентичности и конец прославления рабочего класса как класса работающих стали праздником: теперь больше не осталось преград для революции (чем, без сомнения, было старое рабочее движение с его идеологией). Но правда ли, что с устранением этих препятствий радикальная критика что-то приобрела? Вряд ли. Наоборот, появились ещё более умеренные реформистские движения и теории. Освободившись от старых иллюзий, пролетариат не стал сколько-нибудь радикальней. Развитие современных идеологий типа неолиберализма, антикапитализма, постлефтизма и т.д. совпало с символическим исчезновением рабочего класса. Подобная общественная деградация — прямое следствие как текущей классовой реструктуризации (неполной занятости, деиндустриализации, пролетаризации офисной работы, казуализации труда и т.д.), так и отрицания пролетариатом всех, даже самых традиционных, форм рабочей

идентичности. Но это отрицание осталось по преимуществу негативным. Избавившись от контроля партий и профсоюзов (в 1960ом можно было серьезно огрести от сталинистов за распространение антипрофсоюзной листовки), пролетарии не смогли расширить свою автономию.

На наших глазах происходит смещение поля классовой борьбы. В 60-70ых в центре воспроизводства капиталистической системы стоял неквалифицированный рабочий, для определения остальных категорий работников использовался термин «коллективный рабочий». Никогда ещё символический конструкт не играл в обществе первую роль.

Работа — мертвый фетиш

Коммунисты 19го и начала 20го веков часто разделяли характерную для их времени наивную веру в прогресс. Они верили, что новые промышленные силы и новый труд освободят человечество.¹⁹ Но было бы также наивно разделять противоположные взгляды на прогресс, столь популярные сегодня. Через 50 лет восхваление аскетизма и тяжелого труда стало таким же устаревшим, как и идея спасения посредством экономики изобилия.²⁰ Эти идеи смогли стать общим местом не только благодаря радикальной критике 60-70ых годов, но и самому «углублению капитала» — сегодня необходимая производительность достигается не за счет жесткой дисциплины, а в силу совершенствования трудового процесса. Теперь экран компьютера исполняет роль надзирателя для миллионов занятых в сфере производства и обслуживания. В передовых отраслях уже давно отказались от авторитарной иерархии и насильственного насаждения работы. «Автономия» и «снизу-вверх» прочно вошли в терминологию административного менеджмента. Капитал отказался от имиджа рабочего как накаченного белого самца и предпочитает ему целый калейдоскоп образов из цветных или белых мужчин и женщин разных религиозных конфессий.

В 1900ом перед тем, как что-то потребить, надо было сначала что-то произвести. Рабочие партии убеждали рабочих, что они должны хорошенько потрудиться сегодня, чтобы насладиться благами социализма завтра — не один Спаситель, а миллион страждущих («соль земли») создадут лучший мир.

---

¹⁹ И все же, Марксов прогрессизм не столь однозначен, как может показаться. Он определенно придерживался концепции линейного развития истории: первобытное общество — рабство — феодализм — капитализм — коммунизм, плюс, возможно, «азиатский способ производства». Но его устойчивый научный интерес к русскому «миру» и примитивным общинам показывает, что он считал возможным для некоторых стран избежать капиталистической фазы. Если бы Маркс был таким поклонником индустриализации, каким его иногда изображают, он бы таки закончил 6 томов Капитала, а не писал о России, Востоке и т.д. См. «K.Marx & the Iroquois» или «Возвращаясь на восток . . . навестив по пути Маркса» ru.theanarchistlibrary.org

²⁰ В 1900ом требование увеличения производственных мощностей было так же «очевидно», как сегодня «очевидно» требование снижения общего уровня производства.

Обществу потребительского кредита не нужны ваши самоистязания, чтобы доставить вам удовольствие. И факт роста количества потогонных производств, ухудшения условий труда и рецидива рабства не противоречит общему тренду десакрализации труда, а только дополняет его.

Работа хоть и мертвый, но все же фетиш. Труд больше не насаждается моралью или религией («*в поте лица твоего будешь есть хлеб*»). В азиатских странах капиталу теперь выгодней дисциплинировать рабочих с помощью консюмеризма, а не конфуцианства. От Тайбэя до Берлина общественное мнение озабочено только созданием рабочих мест, а не страданиями для попадания в царствие земное или небесное. Критика работы как тяжелого бремени неадекватна текущему положению дел; сегодня лозунгами капитала стали мобильность и система участия. Мы не можем просто копировать язык сюрреалистических манифестов против работы 80летней давности.²¹

В 2002ом господствует работа, а не рабочая этика. Нас призывают реализовать наш собственный человеческий потенциал. Лозунг сегодняшнего дня: «Будь самим собой». Возвеличивание труда имело две стороны: любой предмет преклонения был одновременно и запретным плодом. Теперь мы живем в эпоху тотальной десакрализации. В приличном обществе любые претензии на «духовность» подвергаются уничижительной критике. Людьми движет только жажда потребления счастья. *We are living in America.*

Однако все это не приводит автоматически к росту сопротивления работе. В обществе атеистов страх перед божьим возмездием за грехи сменяется общим стремлением расслабиться. Религиозный культ проигрывает культу здоровья и спорта: поколение бэби-бума больше заботиться о своей фигуре, чем о спасении души.

Работе больше не нужно поклонение, она и так тотальна. Ее угнетающий характер становится все более открытым и прямым, приближаясь к тому, что Маркс называл «американской моделью»: «*всеобщее безразличие к содержанию труда и быстрое перемещение с одного рабочего места на другое*».²² В современном «более чистом» капитализме (десакрализованная) работа все так же определяет наше бытие и сознание. Общая культурная деградация в США только подтверждает, как реакционность может замечательно дополнять вседозволенность.

Но если все это так очевидно, то почему не выросла новая революционная теория? Дело в том, что не все изменения, которые претерпевает общество в ходе эволюции капитала, равнозначны для пролетариата. Одно дело, когда сами рабочие сопротивляются навязываемой рабочей идентичности, и совер-

²¹ Обложка 4го выпуска *La Révolution Surréaliste* объявляла «ВОЙНУ РАБОТЕ». См. также «Последнюю Забастовку» А. Бретона и «Черную Тетрадь» Л. Арагона.

²² Т.н. «неопубликованная бая глава Капитала». Также см. Введение к «Экономическим рукописям 1857-61гг».

шенно другое, когда капитал освобождает рабочих от нее. Вместе с рабочей идентичностью капитал так же «освободил» людей от всякого помысла об абсолютно ином мире. Раньше, пролетарские меньшинства, закованные в сталинистские и профсоюзные кандалы, все ещё могли вместе помечтать о коммунистической утопии. Если рабочие не смогли совершить революцию под гнетом рабочей этики, то это ещё не значит, что без нее они обязательно будут действовать революционно.

«Мы не из этого мира» (Бабеф, 1795)

Нам сложно разделять оптимизм тех, кому кажется, что текущее состояние капиталистической системы кардинально отличается от состояния в какие-то другие эпохи, что теперь капитализм исчерпал все ресурсы для развития, и условия труда наемных работников будут повсеместно ухудшаться, что неизбежно приведет к революционной ситуации. Ограниченность последних пролетарских выступлений в Алжире и Аргентине, развитие радикального реформизма скорее показывают, что на повестке дня опять стоит реформа, а не революция.²³

Коммунистические теоретики, радующиеся исчезновению рабочей идентичности, забывают, что эта идентичность была выражением неразрешимого противоречия между трудом и капиталом. Раньше пролетарии хотя бы понимали, что мир, в котором они живут, — это не их мир и никогда таковым не будет. Мы не призываем вернуться в Золотой Век. Исчезновение рабочей этики в той же мере обязано контрреволюции, в какой и радикальной критике. Революция возможно лишь в том случае, если пролетарии будут относиться к этому миру как чужаки, словно они пришли из другого, универсального измерения — измерения бесклассового общества, человеческой коммуны.

Подлинная критика жизненно необходима для существования этой субъективности. Предполагая возможные возражения, сразу скажем, что «субъективность» для нас не является волшебной палочкой, разрешающей все проблемы. Пока достаточно лишь сказать, что мы не ставим субъективность «выше» объективных условий, ибо эти категории несравнимы.

Мы часто подчеркивали, что теория и практика — две части одной реальности, и нет никакого смысла противопоставлять одно другому. Каждый шаг действительного движения подразумевает некоторую веру людей в возмож-

²³ *“Пост-фордизм” убрал некоторые препятствия к найму и увольнению рабочей силы, но он сконцентрировался на том, что лучше всего контролирует фирма — на производственном процессе — и деструктурировал окружающий его контекст. [. . .]*

Выход за пределы тейлоризма будет иметь смысл, только если капитал сможет мобилизовать труд лучше, упростить командные каналы, признавая тем самым важность работы. Напротив, компьютеризация умаляет любой ручной, неквалифицированный труд. «Куда идет мир?»

ность глобальных перемен. Именно здесь проходит та черта, которая отделяет сегодняшних пролетариев от пролетариев 60-70ых годов. 30 лет назад люди были не просто не довольны обществом, они видели в себе субъектов истории и соответственно действовали (или, по крайней мере, пытались действовать).

Дихотомия субъекта/объекта — это одна из тех философских конструкций, которые будут преодолены человеческой коммуной. Все известные разделенности: общество и индивид, душа и тело, дух и материя, теория и практика, искусство и экономика, идеал и действительность, мораль и политика — появились в результате совместного расчленения Частной Собственностью, Монетой и Государством изначальной коммуны. Коммунизм — не мир абсолютной гармонии, однако жизнь общины будет определенно находится вне этих разделений.²⁴ «Субъект» и «объект» не существуют отдельно друг друга. Общественный кризис, как нечто внешнее, не может заставить нас действовать. Каждый исторический момент вбирает в себя все наши убеждения и устремления, наши действия и нашу бездеятельность.

«Радикальная субъективность» Ванейгема²⁵ среди множества достоинств, имела один большой недостаток: она обращалась к свободе воли, к индивидуальному бунту против своей социальной роли. Это определенно не то, чего мы хотим. Капитализм не основан на необходимости, а коммунизм — на свободе. Отрицание существования пролетариата неотделимо от существующего пролетарского движения. Объективные условия являются необходимым изменением коммунистического движения. А что из этого выйдет, станет видно.

Жиль Дове, Карл Несич. (2002)

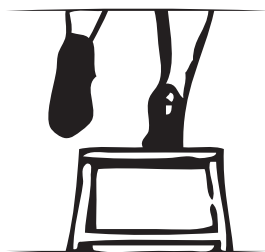
²⁴ Марксисты-ортодоксы брезгают такими «идеалистическими» и «психологическими» терминами как «субъективность», «человечество», «свобода», «стремление». Но как это ни странно, они избегают подобной брезгливости в отношении терминологии, заимствованной из философии, экономики и социологии (примитивисты предпочли бы антропологию). Но все эти понятия относятся к специализированным областям знания. Специализация же бесполезна для освобожденного человечества, и несомненно будет преодолена в человеческой коммуне. А до тех пор, нам приходится формировать свой «унитарный» язык из этих «ограниченных» слов.

²⁵ «Революция повседневной жизни»

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жиль Дове, Карл Несич
Пролетарий и работа — история любви?
2002

Сохранено 4 февраля 2012г. из **revsoc.org**